

A movie poster for the film 'Nizhnyy Gorod' by Peter Swiss. The image shows two young men standing in a dark, dilapidated hallway. They are silhouetted against a bright light coming from an open doorway behind them. The walls are peeling and the floor is dirty. The title 'Нижний Город' is written in large white Cyrillic letters, with 'Peter Swiss' in smaller text above it.

Peter Swiss
**Нижний
Город**

18+

Peter Swiss

Нижний Город

<https://litres.ru/74567027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джим и Билли находят приют на заброшенном заводе и решают дать отпор хозяевам улицы. Но месть втягивает их в чужую игру, где спасти друга труднее, чем убить врага. . .

Когда Билли исчезает, Джиму предлагают обмен: доказательства за свободу друга. Он уже умеет убивать. Но этого недостаточно, чтобы вытащить Билли и не оставить остальных за запертой дверью.

Содержание

Глава	4
Содержание	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Peter Swiss

Нижний Город

Глава

Нижний город
Повесть

Содержание

Глава 1. Серое пальто

Глава 2. Человек за спиной

Глава 3. Билли

Глава 4. Ночь в участке

Глава 5. На двоих

Глава 6. Зима на заводе

Глава 7. Двор за сеткой

Глава 8. Четыре фамилии

Глава 9. Принц

Глава 10. Женщина из запертой комнаты

Глава 11. Часы на столе

Глава 12. Копия

Глава 13. Под мостом

Глава 14. Чужое кресло

Глава 15. Уходи

Глава 16. Бумаги Хейла

Глава 17. Дверь склада

Глава 18. Перевод

Глава 19. Второй вход

Глава 20. Нижний цех

Глава 21. Красная черта

Глава 22. Открытый затвор

Глава 23. Имена

Глава 24. Верхняя комната

Глава 1

Серое пальто

У часов больше не было цепочки. Джим держал их в кармане отдельно от мелочи, чтобы серебряный корпус не царапался, хотя стекло давно треснуло и секундная стрелка застряла между двумя делениями. Часы всё ещё шли. Это раздражало его больше, чем если бы они окончательно сломались.

Он стоял под навесом закрытого цветочного магазина и смотрел на циферблат. До раздачи ужина оставалось двадцать минут. Если идти быстро, можно было успеть. Если быстро идти на пустой желудок, начинала кружиться голова.

Джим убрал часы и поднял воротник серого пальто.

Издали его можно было принять за человека, который задержался на работе. Приличная шапка, шарф, застёгнутое пальто. Вблизи обнаруживались затёртые локти, лопнувший шов на рукаве и грязь, въевшаяся в брюки выше щиколоток. Правый ботинок пропускал воду. Левый, как ни странно, держался.

Дождь не лил, а висел в воздухе. Мелкие капли садились на лицо и воротник; казалось, город медленно вымачивали целиком. У кафе вспыхнули лампы, и в окнах появились лица тех, кому предстояло выбирать между рыбой и мясом.

Джим старался не смотреть туда. Труднее всего было проходить мимо людей, которые ещё не решили, чего им хочется.

У входа в метро подросток вытряхнул из бумажного пакета остатки картошки. Джим дождался, пока компания уйдёт, поднял пакет и съел две холодные палочки. На третьей был волос. Он убрал его ногтем.

Цепочку от часов он заложил восемь дней назад. Денег хватило на место в ночлежке под мостом. Там не спрашивали документы, зато спрашивали плату. За неё разрешалось спать у стены, где не капало с потолка, и рассчитывать, что ночью тебя не обуют. Расчёт оправдывался не всегда: охраняли ночлежку те же люди, которые обкрадывали неплательщиков.

На восьмую ночь Джим остался без места.

— Это порядок, — сказал сборщик, которого звали Грач.
— Порядок всем нужен.

Джим тогда ничего не ответил. У Грача было трое помощников и короткая резиновая дубинка, которую он держал за рукавом. Джим запомнил рукав.

У приюта собралась очередь. Белый голубь на железной двери был нарисован поверх старой заводской эмблемы; из-под крыла проступал край шестерни. Внутри пахло супом, мокрой шерстью и хлоркой.

Женщина у раздачи наклонила половник.

— Тарелка есть?

Джим показал пустые руки.

Она выдала ему одноразовую миску, два куска хлеба и чай без сахара. Суп был почти прозрачный. У бортика плавала половина картофелины.

— Завтра принеси свою, — сказала женщина. — Мы опять заканчиваем запас.

Джим кивнул. Подойти за второй порцией он не решился. Не из гордости; гордость давно не мешала ему есть из чужих пакетов. Просто женщина устала, и её усталость была понятнее ему, чем собственный голод.

Он ел стоя под козырьком. Рядом человек в двух шапках тщательно собирал ложкой со дна крошки. Джим видел, как у него дрожат пальцы. Другая рука, спрятанная под курткой, не шевелилась.

— Под мост сегодня не суйся, — сказал человек, не глядя на Джима. — Там проверяют долги.

— А где не проверяют?

Сосед пожал плечами.

После ужина Джим пошёл в промышленный район. Переход через железную дорогу закрыли, пришлось обходить по путепроводу. Под ногами пружинили железные листы; грузовики толкали воздух в лицо. Слева горели окна действующих складов. Справа стояли корпуса, у которых давно отключили свет.

Он выбирал место без камер. Не потому, что собирался что-нибудь украсть. Камера обычно означала охранника, а охранник означал, что придётся идти дальше.

Завод в конце дороги выглядел так, словно его несколько лет разбирали, а потом потеряли интерес. За ржавыми воротами торчали стены без крыш. В проломе забора рос куст с чёрными мокрыми ветками. Джим протиснулся между ветками и кирпичом, остановился и прислушался.

Ни голосов, ни шагов.

В административном корпусе уцелели лестница и комната первого этажа. С двери когда-то сняли табличку; на её месте осталось светлое прямоугольное пятно. Внутри стояли письменный стол и кожаное кресло с вылезшей набивкой. По полу были рассыпаны бумаги. Джим поднял одну: ведомость выдачи спецодежды, столбцы фамилий, подписи. Бумага раскрошилась у него в пальцах.

Ему понравилось кресло. В нём можно было сидеть, не касаясь холодного пола.

Во дворе нашлась ржавая бочка, почти пустая, с пробитыми боками. Джим вылил из неё дождевую воду, вытащил обломок кирпича и поставил бочку у открытого окна. Разломал дверцу комода. Сунул внутрь бумагу и щепки. Зажигалка сработала с третьей попытки.

Поначалу дым пошёл в комнату. Джим открыл дверь настежь и пересел подальше. Пламя окрепло, поток потянуло к окну. Теплее стало не сразу. Он терпеливо ждал, держа ботинки на коленях. С босых ног стекала вода.

Сон подступил раньше тепла.

Ему снился магазин. Старый, до ремонта. Красная кнопка

кофеварки, которую приходилось нажимать дважды. В витрине отражался мужчина в рубашке с закатанными рукавами. Мужчина смотрел прямо на него, но Джим не мог вспомнить, знакомы ли они.

Потом за прилавком кто-то кашлянул.

Джим проснулся от собственного голоса.

В бочке погас огонь. Он долго сидел, не шевелясь, пока не разобрал звуки: вода по козырьку, ветер в пустом цехе, далёкий грузовик. Больше ничего.

Он вынул часы и поднёс к уху. Механизм тикал неровно, с крошечной паузой на каждом круге.

Джим закрыл крышку.

Утром надо было снова идти за едой.

Глава 2

Человек за спиной

Место у метро освободилось к одиннадцати. До этого там сидела женщина с бумажной табличкой, но её забрал молодой парень в автомобиле. Он помог ей встать, сложил табличку и убрал в багажник. Джим не стал выяснять, сын это или хозяин.

Он сел на освободившийся кусок картона и положил шапку перед собой.

Просить вслух он перестал давно. Голос требовал участия, а за участие платили хуже, чем за неподвижность. Изредка в шапку падала монета. Иногда человек замедлял шаг, как будто собирался спросить что-нибудь, затем ускорялся. Одна женщина положила целый сэндвич. Джим поблагодарил; она уже не слышала.

На противоположной стороне улицы сидел крупный мужчина в короткой куртке. Он устроился недавно и несколько раз посмотрел в сторону Джима. Затем показал на его шапку, улыбнулся и отвернулся.

В половине второго Джим пересчитал мелочь. На чай хватало. На чай и булку — ещё нет.

Он вспомнил, что раньше тоже считал деньги в середине дня. Открывал кассу, отделял крупные купюры, записы-

вал сумму на обратной стороне рекламного листка. В магазине бытовой техники реклама всегда была под рукой. «Новая жизнь начинается дома», гласил один из слоганов. Он держал эти листки возле кофеварки: удобно было подкладывать под чашку.

Теперь кофейня находилась через дорогу. Он знал, в какие часы её сотрудник выносит мусор.

Джим поднялся, вытряхнул монеты в карман, свернул картон. Крупный мужчина тоже встал.

В переулке за кофейней было тихо. В контейнере нашлись сухая половина багета и бумажный стакан с остатками кофе. Стакан ещё держал тепло. Джим поднёс его к губам.

— Мелочь давай, — произнесли за спиной.

Джим обернулся.

Мужчина из короткой куртки держал небольшой нож. На голове у него была чужая, слишком тесная шапка. Чёрные зубы показались в улыбке.

— Тут место не бесплатное.

— Я уже ушёл.

— А получил-то там.

На рукаве куртки была пришита белая полоска ткани. Под мостом такие носили сборщики. Разрешение присматривать за четырьмя улицами стоило им еженедельной доли. Джим знал и того, кому уходила доля. Все знали, хотя большинство никогда его не видело.

Принц Дэвид.

Джим осторожно поставил стакан на край контейнера.
— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Только не маши.

Он поднял руки. Мужчина сделал шаг и протянул ладонь, не опуская ножа.

— Живей.

Потом всё оказалось очень коротким.

Джим помнил скрип подошвы, случайно наступившей на металлическую крышку. Помнил, как правая рука нашла в кармане рукоять его собственного ножа. Помнил чужое лицо совсем рядом и удивление, запоздавшее настолько, что Джим успел его разглядеть.

Мужчина упал на колени. Попытался ухватиться за палец. Джим отступил, и тот завалился набок.

Из окна второго этажа доносилось радио. Кто-то обсуждал дорожные заторы.

Джим постоял над лежащим человеком. Тот больше не шевелился.

В такие минуты он делался чрезвычайно внимательным. Не слышал своего дыхания, зато различал, как проезжавшая на соседней улице машина хрустит шинами по воде. Холод в ладонях был неприятный и знакомый.

Он подобрал выпавший нож. Обыскал куртку. Нашёл несколько смятых купюр, ключ и пакет табака. Ключ бросил. Деньги оставил.

Тело удалось сдвинуть за контейнер, в узкую нишу между стенами. Оно было тяжелее, чем казалось. Джим запачкал

манжет, разозлился на это и тут же ощутил странную неловкость: человек лежал мёртвый, а он думал о манжете.

Он прикрыл нишу пустыми коробками.

Кофе допивать не стал.

Пять минут спустя Джим уже шёл по проспекту. С ним никто не заговаривал. В магазине на углу он купил два круассана и фруктовый чай. Продавщица взяла деньги, двумя пальцами придерживая купюру за край.

— Пакет нужен?

— Нужен.

Она протянула пакет. Он был белый, с красным кругом. Джим держал его за ручки, как обычный покупатель, и старался не вспоминать нишу.

Не он начал. Этот довод был старым и исправно работал. У того человека имелся нож. Кто знает, что произошло бы через минуту? На улице лучше не давать минуту тем, кто может ею воспользоваться.

Так он объяснял себе случившееся.

Но почему-то перед глазами стояла протянутая ладонь. В ней не было оружия.

На заводе Джим долго мыл руки дождевой водой из ведра. Манжет тёр песком. Вода розовела едва заметно; её легко было принять за ржавую.

К вечеру вновь похолодало. Он занялся бочкой, подсушил щепки, разложил на столе ужин. Круассаны успели примяться. Чай остыл, но вкус всё ещё был фруктовый.

Изредка Джим думал о том, что мог бы просто отдать мелочь.

В такие минуты он откусывал ещё кусок и заставлял себя считать трещины на стене.

Когда стемнело, за дверью послышались шаги.

Он сразу понял: идут не двое. Один человек. Осторожно, почти волоча ноги.

Джим отложил остаток круассана. Под столом раскрыл нож.

В проёме возникла тень.

— Кто здесь? — спросил незнакомец.

Голос был испуганный, вежливый и совершенно неуместный в этом месте.

Джим не ответил. Тень осталась у двери.

— Я увидел огонь, — сказал человек. — Если занято, я уйду.

За его спиной ветер качнул кусок кровельного железа. Тот загремел так сильно, что оба вздрогнули.

Глава 3

Билли

— Оружие есть? — спросил Джим.

— Что?

— Нож. Палка. Что-нибудь.

— Ложка есть. И открывашка.

— Покажи.

Незнакомец начал копаться в карманах. Джим велел ему остановиться. Помолчали.

— Как зовут?

— Билли. У меня колбаса есть. Полбуханки. Я поделюсь.

Он произнёс это без торга, с той поспешностью, с какой предъявляют последний сохранившийся документ.

— Справа доски, — сказал Джим. — Подтащи сюда.

Билли принёс обломки шкафа, присел возле бочки и начал раздувать угли. Джим всё ещё держал нож под столом. Потом пламя осветило лицо гостя: заросшее, бледное, с синеватым пятном под глазом. Шапка была красная, почти новая. Она казалась ошибкой на фоне остальной одежды.

— Шапку не украл, — сказал Билли, перехватив его взгляд. — На раздаче дали. Очень хорошая. Уши закрывает.

Он достал хлеб, колбасу и обёрнутую газетой ложку. Ножей действительно не было. Джим сложил свой и убрал в

карман.

Они ели медленно. Билли сначала разделил хлеб на две приблизительно равные части, затем поменял их местами. Себе оставил меньшую. Джим заметил это и ничего не сказал.

— Ты кем был? — спросил он.

— В каком смысле?

— До.

Билли смотрел в огонь. Между двумя расколотыми досками потрескивал сучок.

— Секретарём. У адвоката. Небольшая контора, в основном земельные дела. Я вёл папки, принимал звонки. Иногда делал копии для суда. Хозяин плохо ладил с техникой.

— И что?

— Ничего. Теперь не работаю.

— Уволили?

Билли пожал плечами.

— Можно и так сказать.

Вопросов Джим больше не задавал. Люди, попавшие на улицу, обычно имели одну короткую историю для посторонних и другую, которую предпочитали не рассказывать. Его собственная короткая история состояла из слова «не повезло».

Билли съел колбасу, завернул оставшуюся корку и аккуратно положил на стол.

— На утро, — пояснил он.

Джим с неожиданным раздражением подумал, что тот уже рассчитывает здесь проснуться.

— Только сегодня, — сказал он.

— Конечно.

— И без фокусов.

— Каких фокусов?

Джим посмотрел на него.

— Понял, — тихо сказал Билли.

Спал он на полу, подстелив картон. Куртку не снял. Перед тем как лечь, долго поправлял её край под щекой. Джим наблюдал за ним и слушал, не изменилось ли дыхание. Билли тоже слушал. Каждый ждал, что другой заснёт первым.

Утром Билли не было.

Джим проверил карманы, часы, зажигалку. Всё на месте. Корка лежала на столе. Рядом появилась записка, написанная огрызком карандаша: «Пошёл смотреть еду. Скоро».

Слово «скоро» было подчёркнуто.

Джим подумал, что это глупость — сообщать человеку, который разрешил тебе одну ночь, когда ты вернёшься. Затем съел корку.

Билли появился с курицей.

— Живая была, — сказал он, прежде чем Джим успел спросить. — У фермы. Выбежала за забор.

Джим взял птицу за ноги. Перья были сухие, на крыле прилип кусочек стружки.

— Ты её убил?

Билли нахмурился.

— А что, надо было живую принести? Я не умею. То есть умею теперь, но противно. Очень противно.

Его затрясло; он отвернулся и вытер рот рукавом.

Курицу пришлось долго ощипывать. Воды было мало. Джим сходил к дворовой колонке через два квартала, Билли разбирал старую мебель. Над огнём соорудили вертел. Часть мяса подгорела, часть осталась сырой, и её пришлось дожаривать отдельно.

— А тебя как зовут? — спросил Билли во время еды.

Джим уже успел забыть, что не представился.

— Джим.

— Очень приятно.

Билли протянул руку. Джим посмотрел на испачканную сажей ладонь и вдруг засмеялся.

— Ты серьёзно?

— А что?

— Очень приятно?

— Я так привык.

Джим всё-таки пожал ему руку.

После завтрака Билли спросил про планы. Джим ответил, что пойдёт в город. Билли быстро собрался следом.

— Вместе безопаснее, — сказал он.

— Безопаснее для кого?

— Для обоих, наверное.

— Ты меня не знаешь.

— Это да.

Билли застегнул куртку. Джим отметил, что тот больше не улыбается.

У пролома в заводской стене они остановились. Отсюда было видно промышленную дорогу, по которой один за другим шли грузовики. На обочине блестело разбитое стекло.

— Я ни за кого не отвечаю, — сказал Джим.

— Хорошо.

— И к себе не привязываю.

— Я понял.

Билли шагнул к дороге. Джим нагнал его через несколько метров. Некоторое время они шли рядом, приспосабливаясь к чужому шагу.

— Вчера у метро место освободилось, — сказал Джим. — На другой стороне. Можешь там сесть.

— Спасибо.

Джим достал нож, поднятый в переулке. Протянул Билли рукоятку вперёд.

— Если кто-то пристанет.

Билли долго смотрел на нож.

— А нельзя просто уйти?

— Иногда можно.

Билли взял его и сунул в карман. Больше о ноже они не говорили. На перекрёстке разделились, как договаривались; только прежде чем сесть, Билли поднял голову и проверил, видно ли отсюда серое пальто.

Джим видел, что его ищут взглядом.
Он сделал вид, будто смотрит на часы.

Глава 4

Ночь в участке

Парень в слишком большой куртке появился перед Джимом после обеда. Он стоял, широко расставив ноги, словно тротуар принадлежал ему вместе с людьми на нём.

— Посиди ещё час, — сказал он. — Потом заберу.

В шапку упал свёрток, перемотанный лентой.

Джим не прикоснулся к нему.

— Забирай.

— Ты не понял?

— Забирай своё дерьмо.

Он швырнул свёрток парню в грудь. Тот отшатнулся, подхватил его у ног, посмотрел на Джима и провёл большим пальцем по нижней губе.

— Ладно. Поговорим.

Потом пошёл через дорогу к Билли.

Джим поднялся сразу.

Позже он не мог толком объяснить себе, зачем последовал за парнем. Билли был взрослым человеком. У него имелся нож. Можно было крикнуть через улицу, позвать к себе, вмешаться словами. Джим успел подумать обо всём этом, пока обходил женщину с коляской. И всё же продолжал идти.

Парень склонился над Билли. Тот прижимал к коленям

картонную коробку с монетами. Что-то говорил, отрицательно качая головой. У парня в руке снова появился свёрток.

— Он сказал, что отдаст мне пальцы по одному, — рассказывал Билли потом. — Я сначала даже не понял, о каких пальцах речь.

Джим подошёл со спины.

Они оказались в переулке так быстро, что на тротуаре почти никто не обратил внимания. Парень попытался вырваться; куртка затрещала по шву. Джим удержал его и ударил ножом. Ещё раз. Когда отпустил, парень остался у стены, оседая с нелепо поднятым плечом.

Билли видел только, как Джим вернулся из переулка. Он увидел его лицо и перестал спрашивать.

— Вставай.

На соседнем перекрёстке Джим заметил двух мужчин, которые шли за ними слишком ровным шагом. Один говорил в телефон.

В кафе на углу было два выхода. Джим потащил Билли через зал. Посетители отодвигались, официантка окликнула их, но никто не преградил путь. На другой стороне они побежали. Билли задыхался и терял монеты из коробки.

В коробке обнаружился тот самый свёрток.

— Я не заметил, — сказал Билли. — Он наклонился, я не заметил.

— Отдай нож.

Билли вытащил его из кармана. Джим забрал оба ножа и

свёрток. Через минуту у него уже ничего не было в руках.

Однако спокойствия не стало. Он остановился возле ларька, купил кофе и три пончика. Когда Билли попробовал спросить, что произошло, велел ему есть.

Пончик казался Билли оскорбительным. Его угощали, как ребёнка после неприятного укола. Он всё-таки съел половину: голод оказался сильнее отвращения.

Задержали их через сорок минут.

У мужчин были полицейские удостоверения. Джим успел увидеть фамилию одного: Коул. Плотный, невысокий, с гладким лицом и воспалёнными веками. Второй почти не говорил.

— Совпадение? — спросил Коул. — Сначала один у стены, потом двое через кафе?

— Мы искали туалет, — ответил Джим.

Коул долго смотрел на него, затем ткнул пальцем в грудь. — Пошли.

В участке их развели по кабинетам. У Билли спросили имя, место рождения, адрес. Он назвал старый адрес и тут же добавил, что больше там не живёт. У него потребовали документы. Документов не было.

Джима обыскали. Часы, зажигалку и мелочь сложили в прозрачный пакет. Манжет фотографировали крупным планом. Он повторял одно и то же: поссорились с незнакомцем, тот ушёл, дальнейшего не знает.

Наконец в кабинет вошёл Коул. Прочитал листок, кото-

рый передал ему сотрудник, и положил его текстом вниз.

— Значит, Джим, — сказал он. — А фамилия?

Джим назвал её. Впервые за несколько месяцев.

Коул записал, но, кажется, без интереса.

— Раньше привлекался?

— За ночёвки где попало.

— Я вижу, что где попало.

Он снова посмотрел на листок. Потом на часы в пакете.

Допрос оборвался внезапно. Джима отвели в камеру. Билли уже сидел там, держась обеими руками за край скамьи. Он поднял глаза и сразу отвёл их.

Вечером им дали хлеб и воду. Кто-то в соседней камере бил ногами в дверь. Пахло краской; стены недавно побелили. Джим подумал, что Билли за одну ночь увидел два места, где мог бы заснуть без дождя, и оба раза виноват в этом был он.

Часа в три дверь открылась. Коул стоял с пакетом вещей.

— Утром разберутся с вашей регистрацией, — сказал он.

— Пока задерживать оснований нет. Свёртка при вас не было. Кто бежал — не установлено. Поняли меня?

Джим понял интонацию раньше слов.

Билли подписал две бумаги, не читая. Джим свою прочитал: объяснение, записанное по его словам. Почти по его словам. Переулка там не было.

На улице он проверил пакет. Часы исчезли.

— Вернуться? — спросил Билли.

Джим посмотрел на закрывшуюся дверь участка.

— Нет.

Они дошли до приюта и сели под козырьком ждать открытия. До утра оставалось больше двух часов.

— Ты его убил? — спросил Билли.

Джим не ответил.

На далёкой башне пробило четыре. Билли считал удары, хотя число заранее было известно.

— Я видел кровь у стены, — сказал он. — Когда мы уходили.

Джим спрятал руки в рукава.

— Он тебя не тронет.

Билли закрыл глаза.

— Я про это не спрашивал.

Глава 5

На двоих

После участка Джим не заговорил о будущем. Сначала они починили дверь.

Билли нашёл в кладовой молоток без ручки. Джим выстругал для него новую из перекладки стула. Гвозди вытаскивали из старых досок; половина ломалась. К вечеру дверь закрывалась, хотя замка у неё не было. Билли просверлил две дыры ручным коловоротом и продел через них проволоку.

— Изнутри держит, — сказал он. — Снаружи так себе.

— Нам внутри нужнее.

Окна закрыли фанерой, оставив вверху щель для света. Бочку пока держали у двери, чтобы дым уходил наружу. На следующий день Джим отыскал железную печку в пустой мастерской. Она была небольшая, чугунная, с одной уцелевшей ножкой. Переносили её вдвоём, отдыхая через каждые десять шагов.

Трубы пришлось искать ещё два дня. Билли соединил обрезки, вывел дымоход через бывший вентиляционный канал и разжёг печь. Они наблюдали за соединениями до ночи. Дым немного просачивался из первого колена; Билли разобрал его и перемотал заново.

На пятый день стало можно спать, сняв куртку.

Билли принёс второе кресло. Обивка на нём была синяя, подлокотники разошлись. Он поставил его напротив Джимова, через стол.

— Смотри, — сказал он. — У нас приёмная.

— Только клиентов нет.

— И хорошо. Я клиентов видел.

Джим впервые услышал в его голосе что-то, кроме осторожности.

В тот вечер он заговорил.

Рассказал о мужчине за контейнером. О ноже. О чужих деньгах, на которые купил круассаны. Билли слушал, не перебивая. Когда Джим дошёл до второго переулка, поморщился.

— Я знаю, — сказал он.

— Откуда?

— Ты уже сказал достаточно.

Джим смотрел в стену. Говорить оказалось труднее, чем он рассчитывал. В рассказе каждый поступок занимал несколько секунд; всё, что предшествовало ему, — недели, месяцы. Получалось, что слушатель видел два убийства и не видел ничего вокруг.

— На улицах так устроено, — сказал он. — Уступишь — приходят снова.

Билли долго крутил в руках пустую чашку.

— Меня тоже приходили бить. Я не спорю.

— Тогда понимаешь.

— Не всё.

Джим встал, прошёлся по комнате. На столе ещё лежали ржавые гвозди.

— Я больше так не могу, Билли. Каждый день думать, где поспать. Кому отдать последние деньги. Кто ударит, потому что ему скучно. Они нас уже людьми не считают.

— Кто — они?

— Те, что собирают. Их хозяева. Весь этот нижний город.

Выражение появилось само. Джим повторил его, словно проверяя на вкус.

Нижний город начинался не под землёй. Он мог быть в подвальном окне, за ресторанным контейнером, в автобусе без маршрута, где спали люди с отнятыми документами. Верхний проходил мимо, не замечая границы. Для Джима эта граница стала толще любой стены.

— И что ты хочешь? — спросил Билли.

— Сделать так, чтобы они боялись.

Билли положил чашку.

— Всех убить?

— Тех, кому иначе не объяснишь.

— А объясняешь ты?

Джим вспыхнул.

— Если боишься, уходи.

Билли поднял голову. Под глазом у него почти сошёл синяк.

— Я боюсь. Очень. И тебя тоже. Только я не понимаю, зачем меня спрашивать про план, если ты уже за меня решил.

Джим отвернулся. Раньше Билли не позволял себе так с ним говорить. Он неожиданно понял, что именно это ему и нужно: кто-то, кто ответит. На улице люди либо командовали, либо соглашались.

— Не решил, — сказал он наконец. — Ничего я пока не решил.

Они молчали, пока печка не начала остывать.

— Я кое-что знаю про эти дела, — произнёс Билли. — Про бумажные. У любой шайки есть люди, которых считают, и деньги, которые записывают. Даже если кажется, что вокруг одна грязь.

— Где записывают?

— Не знаю. Надо смотреть.

Джим сел. Билли продолжал:

— Но сначала надо перестать шататься на ветру. Ты видел, как я бежал? Чуть не сдох возле кафе. Какая из меня тебе помощь?

На следующий день они вышли во двор до рассвета. Джим принёс кофе и пончики; на них ушла почти вся мелочь. Билли подозрительно посмотрел на свёрток.

— Эти деньги чьи?

— Вчера собрал.

— Сам?

— Сам.

Билли съел пончик, оставив треть на потом.

Первые круги они прошли пешком. Потом побежали. Джим выбрал темп, знакомый ему по давнему боксёрскому залу; через две минуты Билли согнулся, хватая воздух. Пришлось остановиться.

— Ты говорил, повторять за тобой, — прохрипел он.

Джим чувствовал, как глупо выглядит со своими наставлениями.

— Ладно. Ещё раз. Медленнее.

Наутро у Билли болели ноги. Он отказался вставать. Джим сперва рассердился, потом сам попытался подняться и понял, что тоже едва разгибается.

— Сегодня дверь доделаем, — сказал он.

— Прекрасная тренировка.

Они засмеялись. Смех быстро перешёл в кашель, но всё же был смехом.

В понедельник пошёл снег. Во вторник Билли поставил на подоконник две кружки. Одну подписал карандашом: «Д». Другую: «Б».

Джим ничего не сказал про то, что разрешал остаться только на ночь.

Глава 6

Зима на заводе

К декабрю они нашли работу. Не настоящую, с договором и отпуском, но за неё платили: разгружали ящики на овощном складе. Бригадир выдавал деньги вечером и всё время напоминал, что без документов они ему даром не нужны.

Билли однажды спросил, почему же тогда он их берёт.

— Умный? — сказал бригадир.

— Был секретарём.

Джим толкнул его локтем. Работу они сохранили.

Половину заработка тратили на еду. Купили яйца, крупу, растительное масло. В приют ходили через день. У раздачи теперь знали их имена. Женщину с половником звали Рут; она не одобряла завод, но каждый раз спрашивала, не мёрзнут ли они.

— Жильё через городскую службу пробовали? — спросила она.

Билли показал ей справку из участка. Рут обещала узнать, с чего начать восстановление документов. Через неделю выяснилось, что сначала нужно подтвердить личность, а для подтверждения требовались бумаги из другого округа. Запрос отправили. Ответ не пришёл.

Рут выдала им две тёплые куртки.

Одежду на заводе развешивали на проволоке. Утром она пахла дымом. Билли брился осколком зеркала, укреплённым на стене. Джим долго отказывался, потом тоже сбрил бороду. Лицо под ней оказалось старше, чем он помнил.

Пробежки оставались короткими. Они не превращались в богатырей: у Джима болели старые переломы в кисти, у Билли иногда опухало колено. Но теперь оба могли донести мешок картошки от склада до ворот без остановки. Это было полезнее любого вида в зеркале.

По воскресеньям Джим показывал Билли, как держать руки и уходить от удара. Билли неизменно закрывал глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.